

Гарри Фельдман

«Жизнь прожить – не поле перейти»

Издание 2-е дополненное

Издательство «Компас»

Израиль

2016

***Стучится пепел в сердце. Слышу стон.
Доносится оттуда, из потёмок.
Всё меньше очевидцев тех времён.
Нельзя забыть! Будь бдителен, потомок!***
(Б.Брусиловский «Память сердца»)

Вместо предисловия

«Жизнь прожить – не поле перейти» - печальная и в то же время оптимистическая повесть о типичной судьбе большой еврейской родни (Мишпахи) в прошлом столетии.

По замыслам злейшего врага не только евреев, но и всего человечества, бесноватого фюрера, она должна была быть полностью уничтоженной вместе со всеми своими соплеменниками в процессе «окончательного решения еврейского вопроса».

Но всем смертям и всем врагам назло некоторым членам родни, преодолевая немыслимые трудности и невзгоды военного лихолетья, удалось чудом выйти из, казалось бы, безвыходных ситуаций, и не только выстоять, но и всей своей последующей деятельностью служить верой и правдой на пользу человечеству, провозглашая торжество жизни и бессмертие своего народа

Эта повесть является частью раздела о Холокосте из книги Иосифа Рейтмана и Гарри Фельдмана «В грозном зареве войны», входящей в трилогию «Во имя исторической правды». Надеюсь, что она будет с интересом воспринята читателями.

Жизнь прожить – не поле перейти

В упоминаемой уже книге «Во имя исторической правды!», опубликован очерк «Письмо из ада» – печальная повесть о трагической судьбе евреев одного из многих тысяч населённых пунктов, подвергшихся Холокосту.

В нём без пространных комментариев и литературной правки, без уточнения месторасположения происходившего изложено лишь содержание письма.

После выхода книги из печати ко мне обратилась представительница семьи, которой было адресовано это горестное послание, – Сара Рабинович и попросила внести в очерк ряд существенных дополнений.

Некоторые из читателей также предложили для сохранения документальности повествования уточнить месторасположение происходившего и подробнее рассказать об упоминаемых в письме людях, о послевоенной судьбе оставшихся в живых.

Учитывая это, предлагаю читателю дополненный вариант изложения этой горестной истории, призванной стать ещё одним памятником над бесчисленными могилами зверски уничтоженных ни в чём не повинных мирных жителей, стать ещё одним грозным напоминанием о недопустимости возрождения фашизма, в какую бы тогу он ни рядился – призвана стать призывом, дабы нигде и никогда не повторилось подобное!

И к тому же, это ли не убедительная отповедь всем отрицателям Холокоста, антисемитам и юдофобам всех мастей!

Письмо из ада

Именно так следует назвать скорбное послание из ставших уже далёкими 40-х годов прошлого столетия.

Считаю, что с ним необходимо ознакомить широкий круг читателей и, в первую очередь, молодёжь, которая, не чувствуя ужаса и потрясения от цифры шесть миллионов жертв Катастрофы, читая рвущиеся из глубины сердца эти жуткие воспоминания, сможет постичь всю глубину трагедии еврейского народа, человеконенавистническую суть фашизма, понять истинный смысл заклинания: *«Пусть никогда и нигде не повторится подобное!»*

Мне как журналисту и писателю, автору известной книги о Холокосте «Забвению не подлежит» и ряда публицистических выступлений в прессе на эту тему, ветеран Второй мировой войны из Нетании Леон Коварский передал для ознакомления и обнародования письмо, вот уже более 65-и лет хранящееся у его двоюродной сестры Сары Рабинович.

Я, пропустивший через своё сердце трагедии трёх тысяч земляков, зверски уничтоженных в моём родном местечке Романове (в советские годы – Дзержинск) на Житомирщине, хранящий в памяти рассказы свидетелей об этой ужасной кровавой бойне, жуткие воспоминания нескольких жертв нацизма, чудом выбравшихся из расстрельных рвов, в которых они лежали вместе с трупами своих и моих родных и близких, и оставшихся в живых всем смертям назло, и то не мог читать переданное мне письмо без содрогания.

Привожу письмо без какой-либо существенной литературной правки:

«Уважаемые тётя Лиза и Миша!

Вечером получила Мишину открытку, а сегодня получила Вашу. Как видите, спешу вам ответить.

Расскажу вам, какой конец постиг наших родных.

Сама удивляюсь, каким образом осталась я живая. Мы жили в Труновке. При наступлении немцев мы эвакуировались вместе с Гринбергами. У Евочки был ребёнок, мальчик, ему было 1 год. Какой конец его постиг! Немцы нас перехватили, но мы не вернулись туда, где жили, а остановились в 20 км от Труновки, где я теперь нахожусь. Тут прожили 2 месяца при немцах и все работали в колхозе. Мы тут жили на отдельных

квартирах, но каждый день ходили на работу вместе с Евочкой и Адочкой. Борис Исаевич вначале тяжело заболел и не мог вставать, а когда поднялся, тоже пошёл работать на свиноферму. Одна бабушка наша и Мара Наумовна сидели дома. Евочкина бабушка умерла ещё в Труновке после болезни. Тут мы прожили более месяца, как поступил приказ всем евреям прописаться, потом через несколько дней приехал карательный отряд и велел всем нам явиться в комендатуру с вещами. Мы все собрались и пошли. Там приехали две машины из Ворошиловска и 6 немцев. Позвали нас в комнату, переписали каждую семью в отдельности, потом сказали: «заберите свои вещи и идите домой, а когда нужны будете, мы вас найдём». Мы были очень рады, все вернулись домой и продолжали работать в колхозе. Меня колхоз послал работать на отделение совхоза.

18-го октября снова приехал карательный отряд. И по рассказам хозяйки, сама я не видела, приехала подвода из полиции, велели собрать все вещи и сесть на подводы. Дома у нас были бабушка и Адочка. Они собрали все вещи и поехали к Гринбергам. Там Евочка с ребёнком и Мара Наумовна тоже собрали все вещи и сели на подводу. Их отвезли в полицию. Там было уже 55 человек. Папа и Борис Исаевич находились в степи, но их тоже привезли. Подогнали закрытую железную машину. Всем велели раздеться и заходить в машину. Но люди сопротивлялись и отказывались идти в машину. Тогда полицаи на помощь позвали немцев и те плётками стали бить и загонять людей в машину. Оставили только 6 мужчин, чтобы было кому закапывать (умерщвлённых в душегубке – Г.Ф.).

Когда людей загнали в железную машину, сначала они кричали, но когда закрыли двери, постепенно затихли все голоса.

Их отвезли на два километра от села и тут, как собак, скинули в одну канаву, один на другого.

Это всё мне люди рассказали, а я не верила и дожидалась их, надеясь, что, быть может, увижу их или услышу что-

нибудь про них. Но прошло много времени, и я ничего не слышала.

Отступили немцы, пришла Красная Армия и освободила нас от этих извергов. 2-го апреля 43 года пришлось мне увидеть эту страшную картину, что за всю свою жизнь я не забуду и много я страдала после этого. Велели из каждого колхоза выслать людей, чтобы копать братскую могилу. Я находилась в это время в правлении и услышала об этом. На второй день утром я поднялась и пошла искать могилу своих родных. Я не знала точно, где они закопаны и что это им будут копать могилу, но как-будто кто-то мне говорил: «Иди!»

По дороге я встретила много людей, от них я узнала, что они идут хоронить евреев, убитых немцами. Когда я это услышала, то заплакала. Тогда начальники, председатель райисполкома хотели меня прогнать и не допускать к могиле. Но тут я уж ничего не слушала и пошла сама вперёд, люди мне точно указали место могилы, оно было видно. Когда я пришла на это место, смогла увидеть, как из одной канавы, прикрытые землёй, торчали руки, ноги, головы. Много я наплакалась, и когда пришли люди их откапывать, я уже была спокойна и могла всё наблюдать. Им выкопали недалеко от этого места большую братскую могилу и клали их рядом, одного возле другого, после чего присыпали землёй.

Когда начали раскапывать канаву, то сверху лежали мужчины, которых изверги заставили закапывать своих родных. Они были застрелены в спину из автоматов. Можете себе представить папу, если он закапывал Адочку, свою дочь, зная, какой конец ожидает и его. Лица у всех были погнившие, только волосы сохранились. Так что я наших не могла узнать точно, но, как будто приблизительно, узнала Евочку с ребёнком на руках у Мары Наумовны. Так же я нашла папу, бабушку и Адочку. Я несла их сама на носилках в новую могилу. Говорят, что они были убиты немцами газами. В этих машинах находился специальный аппарат, заполняющий их отравляющими газами.

Уважаемая Лера Миза
Вчера получила Миленьку отперстну и
сегодня напугала вашу, как видите сцену вам
отвечу. Расплату вам какой конек постра
наших радица. Сама удивилась, каким
образом стала я же. Да, мы жили в
Туркменке при набухших чумах, мы
завокурились вместе с Гринбергами, у
и Марья - как-то было за брали все были
и сели на паровоз, их отвозил в больницу, там
было 55 человек. Там а Гринберги находились в
стене по их чумах. Там как-то было, там же
мы разделили и направили машину над двер
ворота, сидели мы. Заходили в машину по они
саплатились, сидели и кричали тогда
неплат с шесткой, там же их сели и загнали в
машину. Там они сидели в машинке чтоб не
его их задела бы. Машина испугалась и закрывал
справа когда они вышли кричали по когда закон
двери машины они поспешно зашли все головы.
Их отвозил в больницу, там же сидели и тут как-то сидели
б. а там канавы один на другого они сидели. Там
же мне тогда рассказали а я не верила и давала
т. как-то, что постра. А там и мы сидели
по поводу про них. Но пришло много времени и ничего
не случилось, ой, случилось, пришло красное
пришло и о себе дала нас от этого извергов. И в/и
пришло мне видеть эту картину, что за
всю свою жизнь я не забуду и много я страдаю
после этого. Велики му каждого к-о. Выска
модей чтоб канав братскую могилу. Я находилась в
правлении и слыхала, на второй день утром, я
поднялась и пришла искать машину своих радица
я не знала точно где они закопаны и что мы будем
копая машину, но как-то было. То мне я говорил
иди. На дороге я встретил много людей, ой, них
я узнала что они идут хоронить евреев, убивая
неприятеля, когда услышала я замесило, тогда
молальники, пред-расположена, начала меня гонять
и кидаться и кричали, но тут я уже ничего не
слыхала и пришла сама в переднюю мне указав
то что несл. Могила, она было видно. Когда я
пришла на это место стояла у входа в одну

Такой трагический конец постиг наших родных. Все вещи немцы забрали, самое лучшее с собой, а остальное раздали колхозникам.

Теперь расскажу вам, как я осталась живая, должно быть это вас интересует. Но много раз я проклинала свою судьбу за то, что осталась в живых при таких условиях, и столько трудностей я пережила сама среди чужих людей.

Когда забирали наших, я находилась на отделении совхоза. Приехала в субботу, когда нас отпускали на выходной. Когда зашла в комнату, там пусто и никого нет. Хозяйка рассказала мне, что наших забрали. Я побежала в полицию и говорю: «Что сделали с нашими, сделайте и со мной. Мне одной жить нечего». Тогда меня посадили в тюрьму. Через несколько часов немец плёткой загнал в машину меня и ещё двух девочек моего возраста и сказал, что нас отвезут на несколько километров и застрелят. В этой машине находилось много вещей. Среди них я узнала и часть наших. Нас довезли до соседнего села и стали спрашивать документы. У меня никаких документов не было, и я сказала, что мать у меня русская, а отец еврей. Меня и тех двух девочек опустили и написали местной власти, чтобы нас больше не трогали. Но через месяц, когда в соседнем селе забирали евреев, нас тоже повезли туда. Я видела, как их били и загоняли в машину. Нас же отпустили и выдали документы, что мы не еврейки.

Я осталась одна в чужом месте, голая и босая, на мне осталась лишь одежда, в которой я работала в отделении совхоза. Всю зиму, босая на снегу я работала (написано неразборчиво – Г.Ф.). Питалась варёной пшеницей, хлеба месяцами не видала.

Можете себе представить, тётя Лиза, что я пережила и теперь, оплакивая своих любимых, и сама не рада жизни.

Сейчас я работаю в тракторной бригаде учётчиком. Питание ничего себе. Хлеба дают, сколько поем. Колхоз выписал мне центнер пшеницы. Я оделась понемножку: купила себе юбку, кофточку и простыню, из которой сшила рубашки.

... 18 октября 1943 года в 11 часов дня ровно годовщина с момента, когда трагически оборвалась жизнь наших. В эту скорбную годовщину пойду на ихнюю могилу. Теперь, когда я уже привыкла к мысли, что их нет, я не проливаю столько слёз. А раньше, бывало, куда пойду и что делаю, я их вижу, как они лежат в том ужасном рву, и слёзы из моих глаз не высыхали никогда.

Кончаю писать. До свидания. Целую вас крепко.

Нюра.

В комментариях изложенное не нуждается.

*«Праведная кровь евреев
Может переполнить все моря,
Кто забудет гнусное злодейство,
Тот на свете, значит, прожил зря».*

Вл. Лубенский

Трагическая судьба евреев станицы Труновской Ставропольского края постигла наших соплеменников и в тысячах других населённых пунктах, в которых ступал кованый сапог нацистов. Менялись лишь методы зверского уничтожения нации. В одном месте обречённых сжигали заживо или отправляли в крематории лагерей смерти, в другом

– расстреливали, в некоторых, как и в Труновской, умерщвляли в душегубках.

Остаётся лишь добавить, что это горестное повествование может служить ещё одним (наряду со многими тысячами других!) убедительным аргументом в борьбе с презренными отрицателями Холокоста – апологетами фашизма, современными неонацистами и прочей подобной мразью.

Одной из миллионов родных и близких жертв Холокоста, одной из миллиардов порядочных людей планеты, кто никогда не забудет это гнусное злодейство, является необыкновенная женщина с типичными еврейскими именем и фамилией – Сара Рабинович, – женщина с обычной еврейской судьбой периода фашистского нашествия.

Только три ценности привезла Сара из эвакуации осенью 1945 года: родившегося в дни Победы шестимесячного сынишку Юру, письмо Нюры из ада и камушек с могилы отца.

«Народ умирает, если он не знает своего прошлого». (Шарль де Костер). Без прошлого не бывает будущего. И Сара, сохранив письмо и вырастив сына, стала как бы таким связующим звеном между прошлым и будущим.

Автор письма Нюра, 1925 года рождения, младшая сестра Ады. Их родители были состоятельными евреями, владельцами имения (поместья) севернее города Кишинёва. Ева была замужем за Гришей Шапиро – родным братом Сары. Кроме Гриши и Сары в семье Исаака и Рахели Шапиро были ещё сыновья Сёма (Шалом), Миша и Лёва. Семья Шапиро жила и работала в местечке Скуляны. После присоединения Бессарабии к СССР много зажиточных местечковых евреев, в том числе и семья Шапиро, спасаясь от депортации, переехали в Кишинёв. Части из них удалось спастись во время фашистского нашествия.

Вскоре после рождения Сары её мать умерла. Через некоторое время отец женился на Лизе. Она и есть первый адресат письма Нюры.

Семья Шапиро: в центре сидят – отец Исаак и Лиза, между
ними стоит Сара,
вокруг сыновья – Лёва, Гриша и Миша.
(Сёма уже был в Палестине). Снимок 1939 года

Ада, будучи замужем за Фимой Гринбергом, вместе со своей сестрой Нюрой эвакуировалась с его родителями Борисом Исаевичем и Маней (Марой) Наумовной (родной сестрой Лизы) и их дочерью Евой с годовалым ребёнком в станицу Труновское в 50-и км севернее Ставрополя.

При приближении фашистов к станице родня попыталась эвакуироваться, но была по дороге ими перехвачена и обречена на мученическую смерть.

Вторым адресатом является Миша Шапиро. После смерти в 1943 году своего отца в конце 1944 г. реэвакуировался в Кишинёв. Он сумел добиться вызова для реэвакуации своей сестры Сары и мачехи Лизы. У Миши была обоснованная

надежда совместно добраться в Палестину. В августе 1945 г., не дождавшись приезда Сары и Лизы, Миша был вынужден перейти границу с Румынией. С большими сложностями ему удалось прибыть в Палестину. Здесь он, благодаря своему старшему брату Сёме, преуспел, работая перед уходом на пенсию строительным кабаном. Ему было присвоено звание Почётного гражданина Нетании.

Сёма с юных лет мечтал поехать в Палестину, чтобы принять непосредственное участие в создании собственного еврейского очага. Такая возможность представилась ему в 1932 году. В этот период Великобритания как держатель мандата над Палестиной всячески препятствовала расширению еврейского ишува. Для того, чтобы пассажиры-евреи, желающие участвовать в Маккабиаде или прибывшие с другой целью (например, посещение родственников) не остались в Палестине, с них потребовали большой залог. Естественно, оставшиеся в Палестине евреи не только потеряли залог (а это были большие деньги), но вынуждены были долгое время скрываться от британской полиции, которая искала «нелегалов» и выдворяла их из страны.

Прибыв туда, 24-летний, уже не юноша, в качестве участника Первой международной Маккабиады, Сёма там и остался. Он поселился в местности, которая впоследствии, отчасти благодаря и его труду, стала жемчужиной Средиземноморья, прекраснейшим городом-курортом Нетания.

Первое время приходилось скрываться от английских властей. Вскоре Сёма встретил здесь свою большую, единственную любовь, приехавшую из Польши Сару. С ней он прошёл тяжёлый, но счастливый 65-летний путь.

В то время еврейский ишув в сложнейших условиях подготавливал материальную базу для своей будущей государственности. Важнейшую роль в этом сыграло строительство всего и вся: осушение болот и освоение целинных земель, возведение городов – прокладка дорог, строительство промышленных и сельскохозяйственных

предприятий, создание всего того, без чего невозможно успешное существование государства с нормальными условиями жизни. Поэтому Сёма стал строителем. Он в совершенстве освоил и успешно применял на практике все рабочие специальности. Он не чурался работы землекопа, опалубщика, бетонщика, укладчика, отделочника. Жил Сёма с женой и тремя сыновьями в небольшой времянке, часто недоедая, испытывая притеснения со стороны арабских рабочих.

Семидесятилетний юбилей Сары.
Слева направо: Миша, Сара-жена Сёмы, Сёма, Лёва.
1988 год

Проявив себя как умелый и добросовестный работник, Сёма вскоре стал строительным кабаном и впоследствии неоднократно отмечался как один из лучших в Израиле строительных руководителей.

Сёма осуществлял застройку нескольких городских районов Нетании, в том числе и прекрасного бульвара Ницца.

Став богатым человеком, Сёма активно помогал репатриантам интегрироваться в израильское общество, перечисляя крупные средства в различные благотворительные фонды и помогая материально отдельным нуждающимся.

Сёма был настоящим первопроходцем, человеком острого ума, больших организаторских способностей и, к тому же, доброго сердца и щедрой души. Подлинный патриотизм органично сочетался в нём с нетерпимостью к любым проявлениям шовинизма и ксенофобии. Острый дефицит таких ярких личностей в современном Израиле – основная причина многих его сложных проблем.

Скончался Сёма в 2004 году.

Гриша Шапиро пропал без вести, наиболее вероятно, что погиб в плену.

Фима Гринберг, испытавший на себе все лихолетья войны, остался в живых, проживал в Перми, был скрипачом.

Что касается Сары Рабинович, то, если бы по её воспоминаниям написать киносценарий, то получился бы захватывающий, трогательный и впечатляющий фильм не только о еврейской судьбе её родни, но и всего нашего многострадального, вечно гонимого всеми народа.

В 1939 году она вышла замуж за Моню Рабиновича и переехала в город Оргеев, что севернее Кишинёва. С началом войны Моня был мобилизован на трудовые работы, а Сара эвакуировалась в город Чу в Казахстане. Как она добралась туда, это тоже целая эпопея.

Из её воспоминаний об этом приведу лишь один эпизод: *«Вагоны поездов были переполнены. Все сидели стиснутые, скорченные. Боль и мучения были видны на всех лицах.*

В один из дней на состав, словно кровожадные коршуны, налетели немецкие бомбардировщики. Под лютый вой бомб и грохот взрывов люди бросились убежать из остановившихся вагонов. Спрятаться в поле было негде. А с неба продолжали сыпаться бомбы. Крики, плач, стоны раненых разрывали душу. Я вместе со всеми молча бежала куда глаза глядят в этом хаосе, в этом аду. Бомбы взрывались и слева и справа, впереди и позади меня. Когда, сбросив свой смертоносный груз, фашистские стервятники улетели, всё поле было густо изрыто воронками и усеяно трупами убитых и телами раненых. Но поезд и пути чудом уцелели, и оставшиеся в

живых, дрожа от страха и пережитого ужаса, продолжили свой путь в неизвестное».

И надо же было судьбе так распорядиться, что именно там, в городе Чу, бригадиром по ремонту железной дороги работал Моня. Однако, как говорится «недолго музыка играла». Вскоре радость встречи была омрачена арестом и приговором Мони по 58-й статье за антисоветскую пропаганду и враждебную деятельность в условиях войны к расстрелу. Его «враждебная деятельность» заключалась в том, что на расспросы местных жителей и работников его бригады об условиях жизни в румынской Бессарабии он бесхитростно рассказывал, что там все продукты питания и все необходимые для жизни вещи всегда и везде имелись в свободной продаже, без всяких талонов, карточек и разнарядок.

Сара и Моня Рабинович. Город Чу,
Казахстан. 1944 год

Два года Моня в одиночной камере ожидал приведения приговора в исполнение, после чего расстрел был заменён длительным сроком заключения. В конце 40-х годов в связи с

отсутствием состава преступления Моня был отпущен на свободу.

К моменту ареста Мони Сара была беременна и 13 мая 1945 года родила мальчика Юру. Осенью того же года, получив вызов от Миши, она с малышом и Лизой вернулась из эвакуации в Кишинёв. Негде было приткнуться, не было одежды, приходилось систематически голодать.

Взяв малыша и Лизу, Сара переехала в Черновцы, где их приютили сёстры отца – Фаня и Ревекка Шапиро. Здесь удалось получить угол. Но лишения продолжались ещё долгие-долгие годы

Сара и Юра в 1955 году. Юре 10 лет.

Юра закончил школу, а потом и Днепропетровский химико-технологический институт.

В студенческие годы он познакомился со своей будущей женой Симой. Вот как она вспоминает об этом и знакомстве со своей будущей свекровью:

«Это было в августе 1968 года. Тем летом я познакомилась и начала встречаться с Юрой. Мы были студентами, учились в разных городах и приехали на летние каникулы к родителям в Черновцы.

В один из дней Юра пригласил меня в столовую. Как только мы вошли в неё, нам навстречу из-за кассы вышла женщина, небольшого роста, средних лет, но абсолютно седая. Её глаза светились удивительной улыбкой и счастьем.

Её состояние мгновенно передалось мне, и я поцеловала Юру в щёку. «Здравствуйте, девушка!», – обратилась ко мне женщина, а Юра сказал, что это его мама. Сара Исааковна – представилась она». «Меня зовут Сима, – ответила я». «Симушка, – Сара произнесла это с такой лаской и любовью, как будто мы знакомы с ней уже много-много лет».

Представьте себе, что я почувствовала в то мгновение. Ведь точно так же меня называла и моя мама, которую (и надо же такое совпадение!) тоже звали Сара Исааковна. Она умерла, когда мне было 18 лет.

Тогда, стоя посреди столовой и глядя на эту прекрасную удивительную женщину с сияющей улыбкой, я и не представляла, что в скором будущем она станет мне свекровью, хотя нет, не свекровью, а мамой».

В 1971 году семья репатрировалась в Израиль. Сара работала служащей в банке, занималась активной общественной деятельностью, помогала репатриантам адаптироваться в новых условиях жизни. Она заслужила не только уважение, но и любовь сотен людей, которым она оказывала посильную помощь. И сейчас, приближаясь к своему столетнему юбилею, она сохранила ясный разум и любвеобильное, доброе сердце, готовность по первому зову прийти на помощь нуждающемуся.

Приведу мнение о ней стоматолога Тани Барак:

«Знакома с ней с 1998 года, с момента приезда и увидела в ней исключительно порядочного, доброго, отзывчивого человека, готового в любой момент прийти на помощь словом и делом. Убедилась в правильности своих выводов, когда

несколько раз при встрече с ней на улице, несколько незнакомых мне людей задавали один и тот же вопрос: «Вы знаете, с кем Вы знакомы? Это совершенно необыкновенный человек».

Можно ещё очень много говорить об этой замечательной женщине. Хочется только пожелать, чтобы она подольше оставалась с нами и чтоб на жизненном пути нам почаще встречались подобные люди.

Таня Барак. Стоматолог»

На фотографиях Сара Рабинович: слева – перед репатриацией в Израиль (1971 год), справа – на своём 90-летнем юбилее

С огромным уважением, теплотой, нежностью и любовью отзывается о Саре и её невестка:

«Репатрировавшись в Израиль, Сара, взявшись растить внука, дала возможность мне и Юре выучить иврит и устроиться на работу. После этого она и сама овладела ивритом и стала работать в банке, продолжая помогать всем. Стол и кров у Сары получили приехавшие в Израиль без

родителей племянница Авиталь Коварская и племянник Игорь Ройтман, прожившие у неё по несколько лет.

Вслед за тем Сара приютила ещё одну племянницу больную раком и делала всё возможное для её спасения. Её доброта и чудодейственная сила любви и преданности помогла женщине побороть страшный недуг, и сейчас, спустя десять лет, она совершенно здорова.

Когда же в 2005 году злокачественную опухоль обнаружили и у меня, Сара (а ей уже было за 85 лет) ежедневно ездила из Нетании в Иерусалим, чтобы накормить меня свежим бульоном, овощами и фруктами и после каждого сеанса химиотерапии укладывать спать, прибавляя: Спи, детка, спи, а я посижу возле тебя и дам тебе хорошую энергию.

И её живительная энергия помогла мне побороть ужасную болезнь. Сегодня я здорова и безмерно благодарна Саре за её безграничную материнскую любовь, преданность и самоотверженность, за великодушие и благородство, за всё то, что она сделала для меня. Ведь даже не каждая родная мать способна на такое».

Но любвеобильное сердце и щедрая душа Сары окутывали теплотой, нежностью и заботой не только своих родных и близких, а и множество совершенно незнакомых людей.

Об этом красноречиво свидетельствует и грамота, вручённая Саре за её многолетнюю большую волонтерскую благотворительную деятельность.

Своё повествование хочу завершить краткой информацией ещё об одной упоминаемой в очерке «Письмо из ада» личности. Речь идёт о сыне родной сестры Рахели Шапино Фани, двоюродном брате Сары – Леоне Коварском.

Об этом неординарном человеке, в полной мере вкусившим все «прелести» военного лихолетья, потерявшим в огненном вихре Холокоста всех своих родных, ветеране Второй мировой войны, незаурядном учёном, авторе более 130 научных работ, видном общественнике с огромным уважением

отзываются многие нетанйцы и многочисленные друзья в стране исхода.

О его жизненной Одиссее рассказано в очерке Иосифа Рейтмана «О жизни и творческой деятельности доктора наук Леона Коварского» (книга «Судьбы и думы “русских” израильтян») и в моём очерке «Повесть о настоящем человеке» (в газете «Ветеран и воин» за 16 февраля 2011 года и в вышедшей в этом году книге Иосифа Рейтмана и Гарри Фельдмана «В грозном зареве войны»).

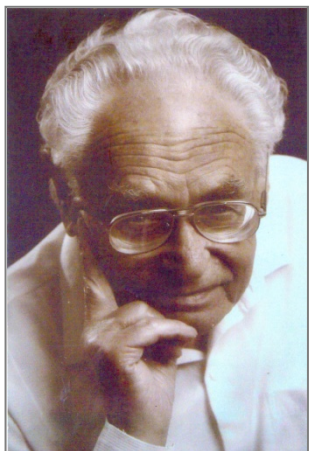

Изложенное в этом очерке является красноречивым свидетельством того, что, несмотря на все происки наших неисчислимых смертельных врагов добиться «окончательного решения еврейского вопроса», наш народ выстоял, мужественно перенёс все немыслимые лишения и невзгоды и в жестокой борьбе с лютыми недругами добивается расцвета своего еврейского Государства.

Это ли не является ещё одним убедительным свидетельством преемственности поколений и торжества жизни?!

Повесть о настоящем человеке

Прошу прощения за использование названия широко известной в своё время книги Бориса Полевого. Но оно, как никакое другое, подходит к данному очерку.

Ведь одиссея Леона Коварского, если и не сравнима, то вполне сопоставима с подвигом Алексея Маресьева.

В этом читатель убедится, прочитав очерк. Надеюсь, что это оправдает меня в кругу читателей и литературных критиков.

Впрочем, судите сами.

Этот очерк [≠] рассказ о нелёгкой судьбе еврейского юноши Леона Коварского в период Второй мировой войны, о его борьбе за выживание без родителей и близких ему людей. Это рассказ о том, как он, преодолевая многочисленные невзгоды, трудности и искусственные препятствия, сумел добиться весомых успехов в педагогической и научной деятельности в стране исхода.

Живя в Израиле, он не остаётся безразличным к происходящим в стране социально-экономическим и политическим процессам. И на своей исторической родине он принимает активное участие в работе общественных организаций и научных конференций, публикует статьи, выступает с лекциями, разработал практические рекомендации по улучшению состояния экономики и просвещения Израиля.

Предоставим же ему слово и на страницах этой книги

«Я родился в 1927 году в Кишинёве (в то время входившим в состав Румынии) – вспоминает Леон Коварский о своём жизненном пути. – Мама – Фаня Иосифовна Рабинович, родом из местечка Скуляны (Бессарабия). Папа – Коварский Самуил-

Хаим Львович из Литвы. Отец преподавал в различных еврейских учебных заведениях Кишинёва, принимал активное участие в общественной жизни города. На его публичные выступления, а также для участия в проводимых им дискуссиях приезжали известные еврейские деятели не только из Румынии. Обладая громадным интеллектом, он научил меня критически мыслить, привил любознательность, научил находить источники информации и пользоваться ими, привил трудолюбие, скромность и честность.

Леон с сестрой Фирочкой, отцом
Самуилом и мамой Фаней.
Лето 1928 г. Курорт Ватра-Дорней

Мама с маленьким Леоном
на руках

Мама излучала любовь, красоту и доброту, стремление помогать всем нуждающимся. К великому сожалению, она тяжело заболела, когда мне было около четырёх лет.

Была у меня ещё сестричка Фирочка, пятью годами старше меня, мы жили дружно и нежно любили друг друга.

В 1935 году в Кишинёве закрылись многие еврейские

учебные заведения. Папа остался без работы. Вскоре он получил приглашение преподавать историю и географию в румынской гимназии местечка Липканы, и мы переехали туда. И здесь отец пользовался большим авторитетом и уважением. Будучи уже в Израиле, много бывших кишинёвцев и липканцев подходили ко мне и с восхищением вспоминали отца.

В то время уже чувствовалось приближение опасности, и отец разъяснял мне, своему десятилетнему сыну, сущность румынского и немецкого фашизма, рассказывал об угрозе антисемитизма и гитлеризма.

28-го июня 1940 года Бессарабия и Северная Буковина были включены в состав СССР и образовали Молдавскую ССР. Основная масса еврейской интеллигенции восприняла это событие положительно, в связи с акциями местных фашистских молодчиков и угрозой со стороны Германии. Только позже, с началом бесосновательных репрессий, наступило прозрение.

Весной 1941 года я с отличными оценками закончил седьмой класс и был премирован бесплатной путёвкой в пионерский лагерь Флоарецоя (недалеко от Унген) у реки Прут, рядом с пограничной заставой. 12-го июня, день моего отъезда, был последним днём общения с родными. За десять дней до начала войны я прибыл в лагерь.

В первые дни войны на этом участке стояла тишина и была надежда победить врага на его же территории. Но рассвет 1-го июля разбудил нас грохотом канонады. Обслуживающий персонал лагеря исчез. Я убедил нескольких старших ребят вместе убежать от фашистов. И пять мальчиков и две девочки двинулись в изнурительный и опасный путь на восток. Более трёх месяцев, в основном пешком, иногда с обозом эвакуированных или со стадом коров мы продвигались вперёд, голодные, оборванные, жутко переживая за родных, уже привыкшие к обстрелам вражеских самолётов, полные решимости уйти от фашистов. Иногда мы оказывались в тылу наступающего

врага, но продолжали скрытно продвигаться на восток. Однажды нам удалось пробраться в товарный железнодорожный состав, но на второй день, после бомбёжки паровоз отцепили, и мы вынуждены были продолжать путь пешком. Наступила осень, тяжелее стало доставать еду, появились мучения от ночного холода. В начале октября мы добрались до узловой железнодорожной станции Ясиноватая. Здесь в эвакуопункте нас накормили. Кто-то из эвакуированных собрал для нас кое-какую обувь и одежду. Через несколько дней нас посадили в поезд и 12-го октября мы прибыли в Сталинград. Нам организовали «санобработку», ведь наши тела были покрыты струпьями грязи и полчищами вшей. Потом нас сдали в детский дом им. Горького. Так окончилась моя первая одиссея.

Я безмерно благодарен персоналу детского дома, который одичавших, отчаявшихся ребят, согрев, вернул к жизни. В 1942 году детдом эвакуировали в село Козьмодемьянское Молотовской (теперь Пермская) области. Всю старшую группу привезли в Пермь и распределили в техникумы или ремесленные училища. Таким образом, я стал учиться в строительном техникуме. Проживал вместе с эвакуированным из Белоруссии Мишей Соколовым в небольшом старом домике. За проживание мы не платили, да и нечем было платить, а хозяйка никогда и не требовала.

В то время я не задумывался, но теперь всё больше склоняюсь к мысли, что Миша тоже был евреем. За полторагодичное совместное проживание у нас ни разу не было размолвок, но оба мы были замкнутыми. Ни разу мы не спросили друг у друга о прежней жизни.

Я всё больше скучал, тревожился о судьбе родных, всё тяжелее переносил расставание с ними. О том, что с ними произошло, я узнал позже. С началом войны перестали ходить поезда, отсутствовала связь, и отец пошёл пешком в лагерь за мной. А это примерно 180 километров. Не найдя меня, вернулся в Липканы. Естественно, что об эвакуации родных речи уже быть не могло. Начались грабежи и погромы,

вначале как самостоятельность местного населения, потом по приказу властей. Оставшихся евреев выгнали из своих домов и погнали в Транснистрию. На этой территории, на левом берегу Днестра, готовилось место для гетто и лагерей.

На фото: Место, где в 1941 году были замучены фашистами и умерщвлены 6000 евреев.

Надпись на памятнике на иврите и молдавском языках

Памятник в Косоуцком лесу на месте зверского уничтожения многих тысяч евреев

В Косоуцком лесу (Косоуцы – село на правом берегу Днестра, напротив местечка Ямполь) полицейские из местных жителей учинили зверскую расправу над безоружными, измученными, страдающими от болезней, голода и жажды людьми. О подробностях дикой бойни я узнал от очевидцев только после репатриации в Израиль. Всего в лесу было замучено около 6000 человек. Папа, сестра и мачеха – Адель Исааковна Хавис держались вместе. Двое полицейских подошли к Адели с намерением снять с её пальца кольцо. Это им не удавалось, и они стали с силой его срывать. Естественно, папа заступился и получил смертельный удар по голове. После этого подобием вил проткнули голову Адели. Что случилось с Фирочкой, очевидцы не помнят. . .

Вернёмся к событиям в Перми. Постоянное чувство голода и ежедневные очереди для получения 400 граммов хлеба. Сахара полагалось 300 граммов в месяц, но за полтора года лишь дважды вместо сахара удалось получить галеты. Талоны на мясо, крупу и жиры из карточки вырезали для столовой при техникуме. Там можно было пообедать – похлебать горячий «суп». С чувством благодарности и восхищения вспоминаю директора техникума Баранова. Он всячески опекал таких, как я, помогал в силу возможностей, особенно в критических ситуациях (а таких было немало, и не только у меня). Для этого, кроме сочувствия, необходимо было мужество. Однажды, в очереди за хлебом у меня из рук вырвали хлебную карточку, а до получения следующей карточки оставалось целых 12 дней. Я был в отчаянии, но никому не пожаловался. Каким-то образом Баранов узнал о случившемся. Он освободил меня от занятий и выдал официальное предписание явиться для временной работы на хлебокомбинат. Работа была очень тяжёлой, по 12 часов в сутки. Но! Дважды в перерывах кормили супом из крупяных высевок, а после работы разрешали набрать мешок гречневой лузги. Из неё Некрасова (хозяйка) высевала четыре-пять стаканов гречневой пыли, а лузга использовалась как топливо. И я 12 дней до получения новой карточки выжил и даже

немного окреп.

В другой раз Баранов направил нас с Мишей на фабрику-кухню при авиационном заводе № 3. Там мы целый день пилили и кололи дрова. Потом нас чем-то очень вкусным накормили и выдали по буханке хлеба. При этом строго предупредили никому об этом ничего не говорить. Вот, пожалуй, и все мои сытные дни в Перми.

Как-то в конце апреля Баранов откомандировал меня к директору одного совхоза, чтобы доставить ему бумагу и бланки. Взамен я должен был получить для себя продукты питания. Совхоз находился на правом берегу реки Сылва. Начался ледоход. Перейти на другой берег мне не удалось, я провалился под лёд. Каким-то чудом баграми меня вытащили и в сторожевой будке обсушили. Увы! Бумага и надежда на продукты пропали.

В госпиталях был постоянный дефицит донорской крови. Техникум шефствовал над госпиталем, который размещался в здании, до войны принадлежавшем ему. Студентам, достигшим 18-и лет, предлагалось сдавать кровь. За сданную кровь полагался дополнительный паёк. Поехал и я. Мне уже исполнилось 16 лет, но выглядел едва на 14, и к сдаче крови меня не допустили. Ко мне тогда подошёл однокурсник Женя Кулябин и предложил сдать кровь по его паспорту. Мы договорились, что дополнительный паёк будет мой, а его фамилию занесут в список доноров. Кровь я сдал, но дополнительным пайком не смог воспользоваться. Я потерял сознание и только через несколько дней очнулся в гражданской больнице. После этого случая я сильно ослабел, опух, впал в депрессию.

На фото: Сержант Леон Коварский.
1945 год

В это время на побывку приехал зять хозяйки – старший лейтенант Зайцев. Я упросил его взять меня с собой на фронт. Таким образом я оказался в рядах Советской Армии. Был зачислен стрелком 89-й отдельной автороты подвоза 8-й стрелковой Ямпольской дивизии. Вместе с шофёром мы подвозили на передовую различные грузы. Чаще всего боеприпасы. Вспоминаю, как наша дивизия занимала оборону между Коломией и Печенежиным. Мы возили ящики со снарядами для артиллеристов. Надо было ползком их перетаскивать, примерно на 250 метров, так как местность обстреливалась. К осени мы переместились в глубь Карпат. Однажды снаряды надо было доставить к Керешмезскому перевалу (Ясиня). Во время поездки фашистский снайпер убил шофёра Пашу. Я познакомился с ним только перед рейсом и фамилию его так и не узнал. С трудом переместил его на своё место и довёл машину к пункту назначения.

Потом были 254-я отдельная танковая бригада, двухнедельное пребывание в Гороховецких лагерях, получение танков на Сормовском заводе, 59-я гвардейская танковая бригада, 11-я механизированная дивизия. В декабре 1946 года я был демобилизован по состоянию здоровья и возвратился в Кишинёв.

В Кишинёве в нашей довоенной квартире проживал майор милиции, который не разрешил мне даже зайти в квартиру. В Липканах вилла Адели Исааковны была занята под почту. Жить мне было негде, специальности не было. Я поехал в Черновцы, куда после эвакуации приехала моя двоюродная сестра Сара Рабинович. Но и у неё положение было ужасное. С двухлетним сыном и мачехой она занимала одну комнату в коммунальной квартире. Черновицкий обком комсомола направил меня на работу освобождённым секретарём ВЛКСМ в Ставчанскую среднюю школу Кицманского района. Потом некоторое время я работал заведующим отделом школ Кицманского райкома комсомола. Время было не только голодное, но и опасное. В районе активно действовали бандеровцы. Однажды вместе с председательницей сельского

совета Ахтемийчук мы выехали из Кицманя, но по дороге были захвачены бандеровцами. Ночью нам удалось сбежать, лишившись повозки и лошадей.

В 1948 году, овладев программой средней школы, я экстерном сдал экзамены и получил аттестат зрелости. Поступил на заочное отделение исторического факультета Черновицкого университета, который успешно закончил. С сентября 1948 по 1992 годы длилась моя 45-летняя педагогическая работа: воспитатель детского дома, учитель и заведующий учебной частью семилетней школы, затем учитель истории, обществоведения, математики и физики в средней школе. Потом была работа в техникуме и институте, работал доцентом университета. В 1953 году попытался поступить в аспирантуру на кафедру философии Харьковского университета. Конечно, это было наивно в период разгула государственного антисемитизма. Несмотря на то, что я лучше других сдал экзамены, мандатную комиссию не прошёл».

Однако это не выбило из седла несостоявшегося аспиранта. Заложив основы своей научной деятельности ещё при подготовке дипломной работы, Леон Коварский упорно и плодотворно сочетал преподавательскую деятельность с подготовкой кандидатской диссертации. Она носила методологический характер. В ней был введён в научный оборот большой социологический материал и научно обосновывался ряд новаций, имеющих большое практическое значение.

Диссертация рассматривалась двумя кафедрами и была рекомендована к защите. При этом положительные отзывы на неё были получены от трёх ведущих учёных страны. Тем не менее, она пять лет пролежала без движения в Совете по защите диссертаций при Киевском университете.

Лишь в 1977 году Леону Коварскому удалось заново оформить все документы и блестяще защитить диссертацию в Московском государственном университете им. Ломоносова. При этом оппоненты, в том числе и академик Ц.А. Степанян,

рекомендовали доработать диссертацию и представить её к защите как докторскую.

Леон дополнил диссертацию новыми теоретическими положениями, написал и опубликовал монографию по теме докторской диссертации, добился её обсуждения на кафедре Черновицкого университета, где он в то время работал доцентом. Научный совет при Московском педагогическом институте им. Ленина согласился принять диссертацию к защите. И молодой учёный сдал её со всеми необходимыми документами в свой университет для отправки по назначению. Но в Москву документы не поступили. Только через год он узнал, что проректор университета Шепета Макар Терентьевич приказал диссертацию никуда не отправлять. Обновить документы ректорат отказался.

Поняв, что плетью обуха не перешибёшь, Леон решил, что диссертация, даже докторская, не стоит уже подорванного здоровья и материальных затрат.

Но и без защиты докторской диссертации Леон Коварский внёс ощутимый вклад в науку. Об этом красноречиво свидетельствует перечисление лишь некоторых фактов его научной деятельности.

Им опубликовано более 130 научных работ, в том числе 5 монографий, из которых одна персональная; он был членом оргкомитетов и редакционных коллегий ряда всесоюзных, республиканских и региональных научных, научно-практических конференций и научных сборников; он был одним из создателей и научным руководителем Черновицкого Социологического центра. Созданная и руководимая им Социологическая лаборатория Черновицкого университета, как и научная деятельность Леона Коварского, имела не только теоретическое значение, но и вносила ощутимый вклад в развитие народного хозяйства страны. К примеру, руководимый им исследовательский коллектив разработал и внедрил комплексный план социально-экономического развития города Марганец Днепропетровской области на 1971-1976 годы. План был одобрен и принят сессией

городского совета, успешно реализован, [✠] дал большой социально-экономический эффект. Это был первый в Украине системный план развития города.

Реальный весомый социально-экономический эффект был получен от внедрения ещё 20 исследований, проведённых руководимым Леоном Коварским коллективом.

А многие аспиранты, ставшие впоследствии маститыми учёными, с огромным уважением, теплотой и любовью вспоминают своего мудрого и доброжелательного научного руководителя Леона Коварского.

Боевой путь и мирный созидательный труд ветерана отмечен двадцатью правительственными наградами, множеством Почётных грамот и званий.

Однако самой дорогой наградой Леон считает оценку своей деятельности его коллегами и учениками.

31 октября 1967 года газета «Шахтар Марганца» (Шахтёр Марганца) опубликовала очерк о нём «Человек и человечность». Автор его, Галина Швец, подарила Леону экземпляр газеты с дарственной надписью: *«В честь 50-летия Великого Октября на память Человеку от стремящейся стать хоть немного похожей на него. Учителю от ученицы».*

Вот лишь один фрагмент (в переводе с украинского) этого дорогого для Леона посвящения:

«Множество вопросов задают Леониду Семёновичу студенты. На каждый он отвечает, не задумываясь, десятками названий, событий, фактов. Меня же более всего интересует одно-единственное: что породило эту кристальную честность, бескорыстие, скромность и великодушие?»

Детство? Оно обещало малышу нелёгкое будущее: маму он увидел только на фотоснимке – её заменил любимый отец. Он оставил сыну самое богатое наследство: 4-летний мальчик уже читал книги.

Возможно, юность? Её не было. Вместо неё – суровая зрелость: фашистские людоеды, смерть двоих самых дорогих людей – отца и сестры, первая седина в пушистых кудрях 14-

летнего парня. Потом – детдом, непокорённый Сталинград, суровая Пермь – и он полуголодный, а чаще и совсем голодный, полураздетый в лютые морозы ещё студент строительного техникума, после лекций идёт работать для фронта.

... Война закончилась. Для 19-летнего Леонида, заведующего школьным отделом райкома комсомола, она начиналась сызнова, из-за каждого угла угрожая пулей озверевшего недобитка-бандеровца.

... уполномоченный райкома ездил по сёлам, быстро находил общий язык с молодёжью.

То была школа испытаний. Уроки мужества давали вооружённые стычки с бандитами, каждая из которых могла стать последней.

Знакомство с преподавателем математики Щербаковым решило его дальнейшую судьбу, вдохнуло в него веру в свои силы, помогло преодолеть семилетний перерыв в учёбе. Днём работали, ночами сидели над книгами. За год экстерном прошёл программу средней школы, поступил в вуз.

Диплом преподавателя истории. Какой ценой достался он Леониду Семёновичу! Да к тому же не за пять, а за три года. Про это знает только он да непокорно-гордая седина. Последний экзамен студента-заочника Черновицкого университета стал первым экзаменом на право называться Человеком с большой буквы.

Как-то мы с Леонидом Семёновичем разговорились о киноискусстве. На мой вопрос, что понравилось ему в фильме «Всё остаётся людям», лаконично и чётко ответил: Люди и человечность.

И мне без комментариев стало понятно, чем чарует всех он, тот, кто щедро дарит людям радость».

«Коллектив кафедры высоко ценит Вас, Леонид Семёнович как учёного, опытного педагога, активного участника общественной жизни университета, города, области, и как доброго, отзывчивого товарища, – говорится в приветствии к 60-летнему юбилею. – Вы заслуженно пользуетесь большим авторитетом, уважением не только

профессорско-преподавательского коллектива, но и студенческой молодёжи университета».

В другом обращении к юбиляру его коллег в частности сказано:

«Была беда нашей Родине, и Вы её защищали мужеством. Наступило время возродить её из пепла, и вы в солдатской гимнастёрке вышли на строительную площадку. Надо было поднимать молодёжь послевоенных лет, и Вы из райкома комсомола уходили на рассвете.

Рабочий, учитель, студент-заочник нашего университета, который ныне не только гордится вашими научными трудами, но хорошо помнит буйные кудри Лёни Коварского.

Годы, вы, как чуткие струны. В вас особая мелодия поколения, воплотившего в себе сталь и нежность, полёт фантазии и практицизм: выжить, выстоять, защитить, построить, учиться и учить. Эти годы мы считали не по Хроносу, а по результату. И удивляемся, до чего же молодой Вы – парень этих легендарных лет, до чего современный.

Много сегодня сказано добрых слов о вашей научной, общественной, пропагандистской деятельности. Увы, Ваша многогранность не до конца раскрыта.

Мы уверены, что не посрамим чести кафедры научного коммунизма и лаборатории социологических исследований университета, если высветим ещё одну грань вашего таланта – умение печь изумительные торты.

Поздравляем! Искренне очарованы духом, энергией, молодостью.

Ваши философы».

В унисон с этим звучат и слова Инессы Беднарчик, поздравившей в 2001 от имени женсовета ветеранской организации Леонида Коварского с днём рождения:

«Ваш вклад в жизнь нашей организации неоценим. Высококультурный, высокообразованный, высокопорядочный и просто хороший, душевный Человек, Вы своими делами,

своим интеллектом, своей безотказной работоспособностью и ответственностью помогаете комитету на должном уровне выполнять возложенные на него задачи. И за это Вам большое спасибо.

Но женсовет особенно благодарит Вас за то, что Вы создаёте атмосферу доброго отношения, внимания, заботы, покоя, что так необходимо в ветеранской организации.

... Дорогой Леонид!

Примите, пожалуйста, наше коллективное признание в любви к Вам. В общении с Вами мы забываем о возрасте и обо всём, что связано с ним. Мы чувствуем себя не бабушками, не ветеранами, а женщинами, и даже ещё симпатичными.

... И в Ваш День рождения сказать мы рады,

Что Вас нам судьба подарила в награду».

Такие отзывы о себе герой нашего очерка часто слышит не только в дни рождения.

Леон с женой Жанной. 2009 год. Нетания

С того момента, как семья Коварских репатриировалась в Израиль, прошло уже много времени. Но её до сих пор

помнят, уважают и нежно любят в стране исхода.

Вот, например, фрагмент письма, полученного четой Коварских из украинского города Ровно накануне нового, 2011, года от Лидии Соловьёвой:

«Здравствуйте, мои милые, дорогие, любимые, чудесные, самые замечательные для нас наши далёкие друзья!

Здравствуйте, наши драгоценные, самые лучшие, самые прекрасные Лёночка и Жанночка!»

Люди, подобные Леону Коварскому, воистину составляют золотой фонд русскоязычной алии, но, к сожалению, не государства в целом. Невостребованность громадного опыта и огромного творческого потенциала наших бывших соотечественников является не только вопиющей несправедливостью по отношению к ним, но и наносит ощутимый ущерб нашему государству. Об этом уже давно пора бы задуматься власть предержащим, а не заботиться лишь о своём личном благополучии.

Нам дороги эти позабыть нельзя

Единственная чудом сохранившаяся довоенная фотография
Гарри

Я родился в 1933 году в достопримечательном древнем еврейском местечке Романов (в советские годы – Дзержинск) на Житомирщине (Украина).

В этом местечке проживали родители моей матери и её сестра. Мой отец в то время был сначала рабочим, а затем директором фабрики по обработке гранита на Головинском карьере Черняховского района Житомирской области. После выдвижения на работу секретарём Черняховского райисполкома и последующем направлении на учёбу в Харьковское юридическое училище отец после его окончания был избран народным судьёй в Черняхове.

Мать работала воспитательницей в детском саду. Я до войны успел окончить первый класс Черняховской средней школы. Единственная чудом сохранившаяся фотография –

свидетельство моего безоблачного до 22 июня 1941 года детства, опалённого после этой даты огненным вихрем Великой Отечественной войны.

Я, как потом стало принято называть, типичное дитя войны, испытавший на себе всё тяготы и лишения того лихолетья. Поэтому не буду повторять общеизвестные факты, а остановлюсь лишь на наиболее впечатляющих воспоминаниях.

Итак, с приближением полчищ вермахта к нашему местечку мне с матерью, как и многим другим семьям односельчан, пришлось, захватив из дому лишь самое необходимое, бежать на предоставленной нам подводе на восток. Как мне с матерью, не имея на то ни опыта, ни физических сил, удавалось справляться с лошадьёю, я до сих пор понять не могу. Видно, недаром говорится, что беда заставит и научит.

Преодолев за несколько дней тяжёлый и опасный 150-километровый отрезок пути, мы сделали привал на опушке леса в Святошино (предместье Киева). Расположились под высоким раскидистым деревом. Не успели мы с попутчиками попасть лошадей и хоть мало-мальски ополоснуться в находившемся рядом водоёме, как над нами появились летящие с запада самолёты. Пробежавший мимо небольшой отряд вооружённых военных сообщил, что поблизости высажен вражеский десант. Я закапризничал и начал просить немедленно уехать с этого места. На удивление меня послушали. Как только мы с ещё двумя семьями сослуживцев отца отъехали, над нами завязался воздушный бой, и вскоре мы увидели, как сбитый самолёт врезался как раз в то дерево, под которым мы всего лишь несколько минут назад располагались.

Когда мы, чтобы не загнать уставших лошадей, через несколько километров снова сделали привал, ко мне подошёл единственный среди нас взрослый мужчина (не призванный в армию очевидно по состоянию здоровья и взявший шефство над нашей группой), погладил меня по голове и сказал, что

вообще-то он не любит капризных ребят, особенно мальчиков, но сегодня мой каприз спас жизнь всем нам.

Это был первый, но не единственный случай, когда мы чудом разминулись со смертью, убегая от преследовавшего нас жестокого фашистского зверя.

Об одном, в общем-то вроде бы маловажном эпизоде из нашей одиссеи, к которому я вернусь в ходе дальнейшего повествования, я вспомнил лишь через двадцать лет при чрезвычайных обстоятельствах.

Так вот, преодолев ещё один участок тяжелейшего и опаснейшего пути, мы добрались до города Конотопа. На углу одной из улиц на его окраине у ворот небольшого домика стояла женщина с полутора-двух годовалым мальчиком на руках, а за её юбку держалась девчущка-замухрышка лет пяти. На просьбу пустить нас во двор покормить лошадей и приготовить горячую еду для детей или хотя бы вскипятить воду для чая женщина открыла калитку, показала на несколько стоявших за ней чемоданов, забитые досками окна и дверь и сказала, что они с минуты на минуту ожидают возвращения мужа с повозкой, чтобы добраться до железнодорожной станции и постараться попасть в любой эшелон, направляющийся на восток. При этом она посоветовала поехать на находившийся невдалеке от их дома пруд, искупать в нём детей, а на берегу попасть лошадей. Мы последовали её совету, после чего продолжили свой многодневный, на каждом шагу грозящий смертью, путь. На эвакуационном пункте при железнодорожной станции Курск мы услышали по радио тяжёлую весть о сдаче советскими войсками нашего областного центра Житомир. После приёма лошадей и телег нас эшелоном отправили в глубь страны. И снова постоянная тревога, жажда и голод, частые бомбёжки на пристанционных тупиках (ведь в первую очередь пропускались воинские составы) и в пути, вид погибших и раненых в результате налётов фашистских стервятников продолжали преследовать нас.

Однако и на этот раз нам удалось разминуться со смертью, грозящей нам на каждом шагу.

Через некоторое время наш эшелон разгрузили на какой-то станции в Тамбовской области. Там эвакуированных подводами развезли по близлежащим сёлам. Три наших семьи доставили в одно из них и разместили в здании бывшей церкви. Несколько недель мы по мере своих сил трудились в местном колхозе, обеспечившим нас питанием.

После этого нас ночью (во избежание попасть под бомбёжку и обстрел вражеских самолётов) на подводах в сопровождении нескольких местных пожилых мужчин (в округе свирепствовали стаи волков) перевезли в село Романовку Саратовской области. Значительную часть пути нас преследовали несколько пар огоньков волчьих глаз. Но напасть на нас они не решились.

В Романовке нас поселили в семью местных жителей, трудоспособных направили на работу в колхоз, который оплачивал труд эвакуированных продуктами питания.

Прибыли мы в это село как раз накануне учебного года, и я пошёл во второй класс.

Наконец после двухмесячных мытарств мы получили возможность есть за столом, да к тому же и горячую пищу, спать в постели с чистым бельём.

Местное население с сочувствием и состраданием относилось к нам, старалось оказать беженцам всевозможную поддержку . Огромное спасибо им за это.

Однако война и здесь не давала забывать о себе. Как-то во время урока я услышал уже знакомые мне звуки воздушного боя. А через пару минут школьное здание содрогнулось от мощного взрыва: через дорогу от нас рухнул сбитый фашистскими стервятниками советский самолёт. Мы, школьники, стали первыми свидетелями гибели двух его пилотов. Возможно, последние их усилия были направлены на то, чтобы не дать самолёту упасть на школу.

Так и на этот раз смерть пронеслась мимо меня.

Невзирая на все тяготы военного лихолетья я и второй класс закончил с похвальной грамотой.

В середине 1942 года брату моей матери (они были близнецы) через действующую тогда службу розыска удалось найти нас и вызвать к себе в город Троицк Челябинской области. Там нас не обстреливали и не бомбили, но пережить пришлось такие лишения, которые и самому заклятому врагу не пожелаешь.

После нападения фашистов на нашу страну в этот город, насчитывающий около 40 тыс. населения были эвакуированы ряд крупнейших военных заводов, в том числе и 34-й авиационный, на котором работал мой дядя. Вместе с их работниками прибыли десятки тысяч беженцев.

Это привело к многократному (в одном из источников указано – 10-кратному) увеличению количества его жителей. Под жильё пришлось приспособлять всё возможное и невозможное. И нам с матерью вместе с четырьмя членами семьи её брата, в том числе грудным младенцем и тяжелобольным отцом его жены, пришлось ютиться в крошечной комнатухе, в которой вместо кроватей были сооружены двухъярусные нары.

Получаемых по карточкам продовольственных продуктов катастрофически не хватало. Мы всегда были голодны. Был период, когда хлебные карточки не отоваривали несколько дней, а затем вместо хлеба выдали на все неиспользованные талоны соевую макуху (отжимки, остающиеся после выдавливания из зёрен масла). На следующий день начался массовый мор: опухшие от голода люди, вдоволь наевшись этой даже не для всех животных пригодной еды, сотнями умерли в страшных муках.

С нетерпением мы ожидали прихода весны, чтобы вдоволь похлебать суп из крапивы, свекольной ботвы и другой съедобной зелени. А каково нам было переносить зимнюю стужу (морозы иногда доходили до 40 градусов) в наших нетопленных конурках или в школьных классах.

Официально согласно постановления объединённого заседания Троицкого Горкома ВКП(б) и Горисполкома для участия в сельхозработах были мобилизованы в обязательном порядке и учащиеся, начиная с шестого класса. Но иногда для этого привлекали и нас, «салажат» из четвёртых и пятых классов. Но это было нам не в тягость, так как мы это считали своей посильной помощью фронту.

На занятия в школу приходила строем в военной форме группа сыновей полка – детей, лишившихся родителей. В нашем классе их было пятеро. И это, кроме всего прочего, заставляло нас с большей ответственностью относиться к учёбе и своему поведению.

Единственной радостью для меня и матери было то, что отцу удалось разыскать нас, и мы начали получать от него с фронта письма в виде треугольников. 3-го июля 1941 года отец получил предписание эвакуироваться в Черниговскую область и должен был выехать вместе с нами. Но в последний момент предписание было отменено, и отец был назначен ответственным за эвакуацию или, в крайнем случае, уничтожение особо важных документов советско-партийных органов, учреждений и организаций местечка. Выполнив эту миссию, он с последней отступающей частью покинул Черняхов и, явившись в Киевский военкомат, добровольно ушёл на фронт.

После ранения и выписки из госпиталя отец был направлен на краткосрочные курсы в Московское военное училище имени Верховного Совета и после окончания их получил назначение в действующую армию в качестве командира взвода 1130-го стрелкового полка 336-й стрелковой дивизии.

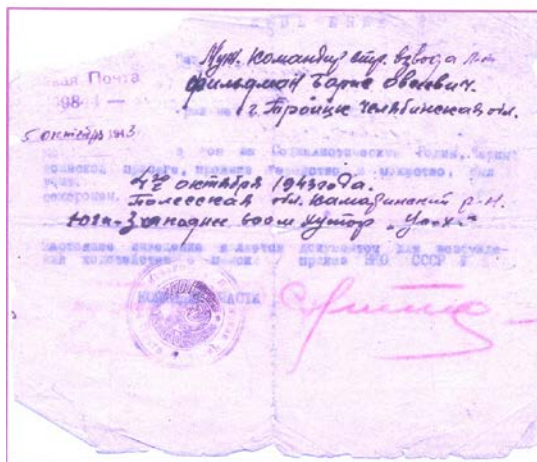
Перед отправкой к месту назначения отцу был предоставлен краткосрочный отпуск и он на несколько суток приехал к нам в Троицк. Это была наша последняя встреча с ним.

В одном из своих последних писем отец сообщил нам, что приближается со своей частью к городу, в котором жила его старшая сестра. И мы поняли, что это город Киев.

Последнее письмо от отца пришло одновременно с похоронкой, в которой сообщалось о его гибели в бою 4 октября 1943 года.

ФЕЛЬДМАН Борис Овсеевич,
1906 - 1943 Урожд. г. Житомир, Житомирская обл.,
Украина. Призв. Киевский ГВК, Украина.
Лейтенант, ком. взв. 1130 ст 336 сд. Погиб на
фронте. Захоронен: кут. Усолье, Комаринский
(Брагинский) р-н, Гомельская обл., Беларусь.
(СЕЙВВ)

Похоронка и фрагмент из книги Памяти воинов-евреев о гибели отца Гарри Фельдмана

Через несколько дней мы получили письмо от его боевых побратимов, которые с теплотой и любовью отзывались о своём мужественном и заботливом командире, верном друге, человеке с доброй душой и щедрым сердцем, не раздумывая отдавшем жизнь для спасения личного состава взвода и обеспечения успеха военной операции.

«Мы отмстим проклятым фашистам за героическую смерть нашего командира, – Вашего дорогого мужа и отца, освободим нашу Родину и добьём вражескую гадину в её собственном логове. А светлая память о нашем славном командире навечно сохранится в наших сердцах» – было сказано в этом письме.

Светлая память отца, погибшего 4-го октября 1943 года в ожесточённом бою у хутора Усохи Гомельской области, увековечена в Книге Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом», книгах памяти Украины, а в Израиле – в музее Энергия мужества».

Фельдман Борис Овсеевич

1906 – 1943. Урож. г. Житомир, Житомирская обл.,

Украина. Призв.: Киевский ГВК, Украина.

Лейтенант, ком. взв. 1130 сп 336 сд.

Погиб на фронте. Захоронен: хут. Усохи,

Комаринский (Брагинский) р-н, Гомельская обл.,

Беларусь.

(СЕЙВВ)

(Из Книги Памяти)

После освобождения Житомирщины от фашистских захватчиков мой дядя съездил (во время командировки от завода в город Киев) в наш родной Романов и привёз оттуда горестную весть: все евреи местечка, в том числе мой дедушка и тётя (сестра матери) зверски уничтожены нацистами и местными полициями, отчий дом разграблен и уничтожен. (Бабушка умерла незадолго до войны).

На свой запрос, посланный матерью в Черняховский поселковый совет, она получила ответ, что дом, в котором была наша довоенная квартира, как и многие другие жилые

помещения местечка, разрушен в ходе боевых действий и что предоставить нам жилплощадь в ближайшее время нет возможности.

В начале января 1946 года мы вернулись из эвакуации и временно поселились в Житомире в полученной сестрой отца, прослужившей всю войну в госпитале, и её мужем – демобилизованным воином, комнатухе, служившей одновременно и кухней (их дом в центре Житомира, в котором они до войны имели квартиру, был разрушен при бомбёжке в начале войны).

В Житомире я успел закончить шестой класс, и так как к тому времени демобилизовался сын хозяев квартиры, нам пришлось освободить для него занимаемый нам уголок и переехать в Романов (тогда – Дзержинск).

В Дзержинске нас, как и абсолютное большинство возвратившихся из эвакуации, ожидало голодное, полуничтоженское существование. Почти на два года нас приютила так же возвратившаяся из эвакуации еврейская семья, у которой сохранился дом. Позже нам выделили небольшую комнатуху, служащую одновременно и кухней, в коммунальном доме. В ней мы прожили 15 лет.

В первые послевоенные годы, не имея «ни кола, ни двора», выживая лишь за счёт мизерной пенсии за погибшего отца и незначительной зарплаты матери, мы ходили в лохмотьях, отказывали себе абсолютно во всём. Помню, как весной, когда уже таял снег, я шёл в школу в старых валенках без галош, так как другой обуви у меня не было.

В Дзержинске я окончил в 1950 году среднюю школу. В том же году поступил в пединститут и, имея 47 лет стажа в школах своего родного района, вышел на пенсию.

Вернусь к эпизоду, упоминаемому выше. Перед началом 1957-58 учебного года из окна отдела народного образования я заметил направляющуюся к нему девушку с чемоданчиком в руках. Невольно подумал: какая судьба ожидает в наших краях эту выпускницу вуза, по чьей душе она сюда прибыла?

Через несколько дней мы встретились с ней на работе в Дзержинской средней школе и со временем подружились. Когда же дружба переросла в любовь, она предложила приехать к ней во время каникул в Конотоп для знакомства с её матерью и младшим братом. (Её отец, многократно раненный на фронте, после демобилизации вскоре умер).

Представьте мою оторопь, когда явившись по указанному адресу, я оказался у ворот того домика, в котором при эвакуации мы просили кратковременного пристанища, и понял, что тогдашняя девчушка-замухрышка, державшаяся за материну юбку, моя невеста, а её мать, державшая на руках малыша, моя будущая теща.

Воистину, пути господни неисповедимы!

Уже более 55 лет мы вместе шагаем по жизни, едины в радости и в горе, стойко преодолеваем невзгоды, поддерживаем и помогаем друг другу во всём – в работе, в быту и в общественной деятельности.

Как и я, она – Раиса Фельдман (девичья фамилия Карасик) – отличник народного образования Украины, учитель высшей категории, учитель-методист за 40 лет обучила и воспитала несколько поколений выпускников, 15 лет (до выхода на пенсию) руководила районным методическим объединением учителей химии, выступала с докладами на областных конференциях и семинарах, как один из наилучших педагогов области привлекалась к приёму вступительных экзаменов в высших учебных заведениях Украины. Она пользовалась не только большим уважением и почётом у своих коллег, воспитанников, их родителей, бабушек и дедушек, но и их искренней любовью.

Такой Раису помнят многочисленные её выпускники, их родители, бабушки и дедушки

За общественную работу в Израиле Раиса, как и я, получала благодарственные письма от депутатов Кнессета.

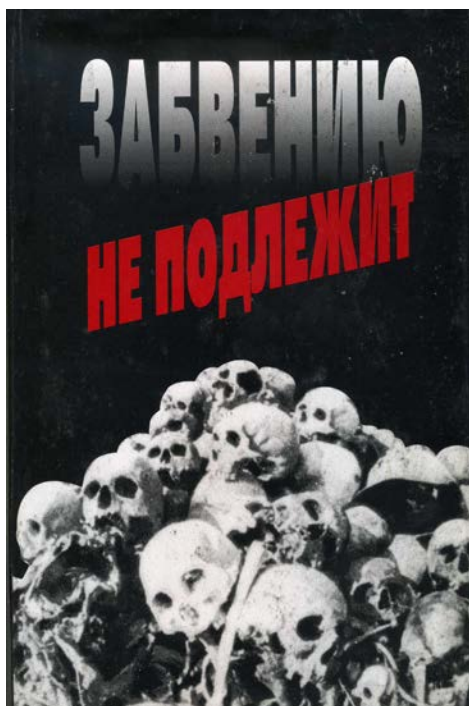
В Израиле Раисе сопутствовали почёт,
уважение и любовь

Многочисленные друзья Раисы знают её не только как
Прекрасного педагога и активного общественного
деятеля, но и как хлебосольную гостеприимную хозяйку. От
приготовленной ею фаршированной рыбы – пальчики
оближешь

О моей работе, общественной и творческой деятельности рассказано журналисткой Еленой Милькиной в очерке «Через тернии к звёздам» (газета «Ветеран и воин» за 17 июля 2013 г.), краткое изложение которого перед вами.

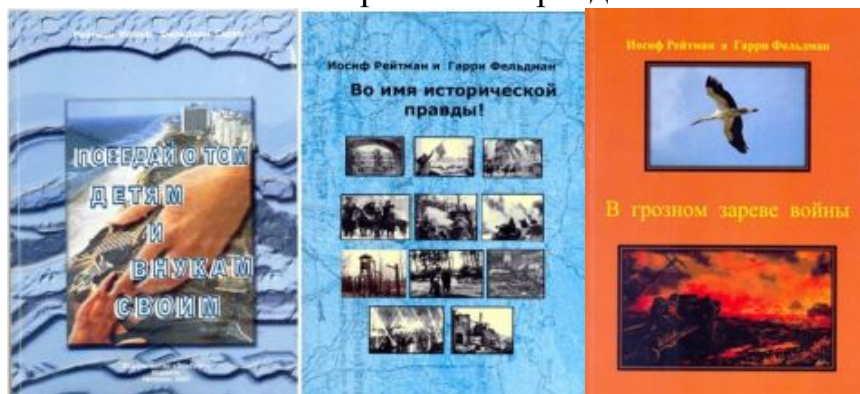
Гарри Фельдман дважды Лауреат престижного литературного конкурса имени Ицхака Зандмана и Авраама Козна, автор всемирно известной книги о Холокосте «Забвению не подлежит» (Житомир, 2000 г.), соавтор книги о творческом потенциале русскоязычной алии «Судьбы и думы “русских” израильтян» (Израиль, 2008 г.), соавтор книг о бессмертном подвиге воинов-евреев «Поведай о том детям и внукам своим» (Израиль, 2007 г.), «Во имя исторической правды» (Израиль, 2010) и книги, завершающей эту своеобразную трилогию, «В грозном зареве войны».

В Совете инвалидов Второй мировой войны после получения
Диплома Лауреата литературного конкурса

Трилогия Иосифа Рейтмана и Гарри Фельдмана «Во имя исторической правды»

В Израиле им опубликовано также несколько брошюр и более
ста очерков в центральных русскоязычных газетах и журналах.

Ему принадлежат и десятки выступлений на радиостанции
«РЭКА».

Он был делегатом Генеральной Ассамблеи Всемирного конгресса русскоязычного еврейства (Иерусалим, 21.05.2008 г.), участником Международной научной конференции «Евреи на Волыни: история и современность» (Житомир, 20.03.2009 г.). Его доклад на ней получил высокую оценку научной общественности и опубликован в итоговом сборнике конференции.

Гарри Фельдман и его соавтор Иосиф Рейтман вручают свои книги мэру Нетании Мирьям Файерберг-Икар

Мэр Нетании Мирьям Файерберг-Икар награждает Гарри Фельдмана Почётной грамотой

Президент Союза воинов и партизан - инвалидов войны с нацистами бригадный генерал Роман Ягель благодарит Гарри Фельдмана за активное участие в ветеранском движении

Им проведена огромная работа по увековечению светлой памяти жертв Холокоста и воинов-евреев, павших в боях с нацистами.

ПАМЯТЬ О ПОДВИГЕ ДОЛЖНА ЖИТЬ

Увековечить память героического подвига творцов Великой Победы — наш святой долг. Это требование прошло лейтмотивом на состоявшейся в Реховоте торжественной Конференции Союза ветеранов Второй мировой войны — борцов против нацизма.

Нетанийцы Иосиф Рейтман и Гарри Фельдман в очередной раз удостоены звания Лауреата конкурса на историко-литературное произведение о воинском подвиге в годы Второй мировой войны. Такого же звания удостоен певец героизма и славы еврейского народа, лауреат многих фестивалей и конкурсов, в том числе и международных, поэт и композитор Давид Блюм.

Г. Фельдман передал в дар создающемуся в Латруне музею с триптихом «Во имя исторической правды» а также мемуарную книгу И. Рейтмана «Из уголков памяти». Им же передан Союзу воинов и партизан — инвалидов войны с нацистами прекрасный двухтомник «Рождённый в рубашке» Виктории Жуковой о воинском подвиге её отца Эммануила Грабовецкого и его боевых побратимов.

литературную и журналистскую, а также за организаторскую работу по пропаганде воинского подвига творцов Великой Победы Гарри Фельдман удостоен звания «Почётный член Союза ветеранов Второй мировой войны», награждён соответствующей грамотой и медалью. Такими же почестями отмечен и Иосиф Рейтман.

Член комитета, председатель женсовета, всеобщая любимица ор-

ганизации Марина Коган названа «Человеком года». 30 активистам вручены медали 35-летия Союза ветеранов, восемь членов отделения и его председатель Борис Коган награждены Почётными грамотами Союза ветеранов, трое их соратников получили благодарность Союза ветеранов, шестеро — окружного комитета и семеро — Нетанийского отделения Союза ветеранов.

Гарри Фельдман – отличник народного образования Украины, старший учитель математики высшей категории, делегат Первого съезда работников просвещения Украины и участник (один из докладчиков) Всероссийской научно-практической конференции по внеклассной работе (Москва, 1960 год), автор многочисленных выступлений и публикаций о передовом педагогическом опыте, 65 лет в журналистике, публикуется в Израиле, Украине, России, США и Австралии.

Гарри Борисович свою педагогическую работу успешно совмещал с общественной деятельностью: четырежды избирался депутатом Горсовета, в котором возглавлял постоянную комиссию по народному образованию и культуре; неоднократно избирался зам. председателя районной организации ветеранов войны и труда, зав. отделом районного комитета народного контроля, возглавлял профсоюзные и партийные организации, а также местную еврейскую общину.

Гарри Фельдман – соавтор ряда «Книг Памяти и Скорби Украины» по Житомирской области. Его сотрудничество с областной редакционной коллегией Книги Памяти продолжается до сих пор. Недавно он отправил туда серию своих очерков и данные почти на 100 персоналий для готовящейся к изданию книги «Переможці» о творцах Великой Победы, проживающих ныне в Израиле.

Репатриировался в Израиль в 2001 году и с тех пор живёт и плодотворно трудится в Нетании.

За свой благородный труд по увековечению светлой памяти жертв Холокоста и бессмертного подвига воинов-евреев Гарри заслужил огромное уважение и сердечную благодарность своих земляков, проживающих во многих странах, о чём ещё задолго до его репатриации писала израильская газета «Новости недели», назвав его вместе с членами семьи Праведником (26 января 1999 года, очерк Инны Стессель «Трудно жить на этой планете»).

А его книга «Забвению не подлежит» принесла ему международную известность и признание.

Вот, например, мнение о ней заведующей русским фондом Мемориального комплекса Яд ва-Шем Анны Шиндер, написавшей Гарри Фельдману:

«Среди множества книг и воспоминаний, получаемых библиотекой, ваша книга «зацепила» меня своей искренностью и непридуманной правдой жизни. Я думаю, что молодые люди, не чувствующие ужаса от цифры шесть миллионов, может быть, только читая такие книги, как ваша, смогут приблизиться к пониманию всего кошмара фашизма, войны и Катастрофы... Потрясают факты, волнуют людские судьбы. Равнодушным, читая сборник «Забвению не подлежит» остаться невозможно. Но ведь для этого и создана книга».

Поэтому эта книга актуальна и сейчас.

Она, как Бухенвальдский набат, вызывает:

Не забудем! Не простим!

Приведу несколько фрагментов из письма учительницы Надежды Денисовны Мамчур из села Судилков Шепетовского района Хмельницкой области:

Уважаемый Гарри Борисович, здравствуйте!

У меня в руках книга Ваша «Забвению не подлежит», нет, это не книга – это святыня, это память, это история, это героизм, это горе, это ужас, который пережил очень умный, очень красивый, очень деловой, очень хороший, очень способный, очень совестный народ, который пострадал, даже не зная, почему. Господи, да я читала и читаю Вашу книгу и не могу смириться с тем, что же сделали эти люди, такое преступление, что их без вины сделали виноватыми и цвет, красу нации, очень талантливой – уничтожили.

Спасибо Вам за то, что Вы описали то страшное событие, тот ужас, что выпал именно на еврейский народ. А Ваша книга-шедевр должна стать книгой настольной в каждой школе, где воспитываются дети. Пусть на воспитательных

часах учителя расскажут и покажут детям, что это за обелиски, что за памятники, кто там почил смертью неожиданной и страшной. Пусть жители кланяются жертвам безвинным.

А Вы, Гарри Борисович, очень умный и мудрый человек. Вы отдали столько сил, здоровья, энергии – собрав этот исторический материал. Это Вы отыскиали живых свидетелей смерти и мучений тех, кто покоится в братских могилах в этом достопримечательном когда-то еврейском местечке – Романов.

Спасибо Вам милый, добрый мудрец Гарри Борисович, что Вы создали такую печальную, но очень величественную и нужную память на все поколения живущих людей, чтобы они знали, сколько пролито безвинной крови и помнили, чтобы не допустить никогда подобных трагедий.

А Вам Бог даст много лет счастливой жизни, благополучия, крепкого Вам здоровья и сил, чтобы Вы своим талантом передали всё хорошее о живших и живущих.

Вы талант и я Вам кланяюсь.

Это Вы, милый, добрый Фельдман сумели всё передать так, что нельзя без слёз и печали читать. Книга эта заставляет глубоко задуматься над самой скорбной страницей истории нашего народа.

Вице-президент Еврейского Совета Украины **Михаил Гурвиц** в предисловии к книге отметил: «ею Гарри Фельдман как бы продолжил работу, начатую Маргаритой Алигер, Павлом Антокольским, Вениамином Каверинным и другими известными деятелями литературы и искусства, которые издали «Чёрную книгу» под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга.

В 1991 году книга была выпущена, переиздана во многих странах, стала своеобразным напоминанием людям: фашизм – это смерть, гибель человечества. То же самое можно сказать о книге Гарри Фельдмана «Забвению не подлежит». Автор использовал личную переписку и воспоминания чудом

оставшихся в живых свидетелей трагедии, архивные материалы, видеофильмы, снятые группой Стивена Спилберга, материалы судебных процессов над полицией – участниками массовых расстрелов мирных граждан и военнопленных.

«Забвению не подлежит» – не просто книга – это весомый аргумент в борьбе с теми, кто отрицает Холокост и тем самым реабилитирует фашизм. Это своеобразный мемориал, который вечно будет напоминать каждому из ныне живущих: «Помните!»

Подобную оценку читателей и научной общественности заслужили и все 9 книг (5 из них в соавторстве с Иосифом Рейтманом), изданных Гарри в Израиле.

При репатриации Гарри Фельдмана Федерация иудейских религиозных общин и организаций, учитывая многочисленные обращения общественности, руководителей еврейских общин Житомирского региона (в него входят все области Центральной и Западной Украины) и пожелания бывших жителей Романова, проживающих во многих странах мира, обратились к руководителям Государства Израиль с ходатайством о присвоении ему (Гарри Фельдману) звания Почётный гражданин Государства Израиль или города Нетания.

К сожалению, это ходатайство, как и соответствующее обращение группы общественных деятелей Израиля к мэру Нетании, осталось безответным.

За активное участие в ветеранском движении Государства Израиль Гарри Фельдман награждён медалями «65 лет Победы над фашистской Германией», «35 лет Союзу ветеранов», двумя Почётными грамотами Союза ветеранов, Почётной грамотой и благодарностью Нетанийского городского совета и рядом других грамот общественных и научных организаций. К 70-летнему юбилею Победы он награждён престижной медалью «За честь и достоинство».

Гарри Фельдману присвоено звание «Почётный член Союза ветеранов».

Эту публикацию я подготовил не в качестве подведения итогов жизненного пути накануне своего 80-летнего юбилея, и тем более не ради тщеславия. Основная её цель – ещё на одном конкретном примере показать, что эвакуированные беженцы вполне заслуживают статуса жертв катастрофы, и ещё раз выразить пожелание, чтобы нигде и никогда не повторилось подобное.

Гарри Фельдман,
почётный член Израильского Союза ветеранов Второй
мировой войны,
член Союза русскоязычных писателей Израиля,
Лауреат двух конкурсов на историко-литературное
произведение о воинском подвиге в годы Второй мировой
войны.

Издательство «Компас»
Тел.: 050-8159551,
email: helenamilkina@gmail.com

© Гарри Фельдман

«Жизнь прожить – не поле перейти»

Издание 2-е дополненное

Компьютерный набор и вёрстка – Л. Тарасова

**Корректura рукописи, литературный и технический
редактор, художественное оформление, дизайн обложки –
Е. Милькина**

ISBN – 978-965-91461-0-9 © Г. Фельдман

**Отпечатано в типографии «А.В.С» *www.printabc.co.il*
Израиль
2016**

